

Евгений Деменок

Одесские участники пражского «Скита поэтов»

Обнаружить неизвестное ранее стихотворение об Одессе – большая удача. А уж если это стихотворение действительно талантливо, к тому же написано почти столетие назад, то ради того чтобы его найти, можно потрудиться. И даже уехать в другую страну.

Стихотворение Николая Болесциса (Дзевановского) «Одесса» я нашел в Праге. И это не случайно.

У русской литературной эмиграции XX века было несколько столиц – это, разумеется, Париж; в первой половине 20-х – Берлин, и, конечно же, Прага. Один из самых влиятельных литературных критиков русского зарубежья Георгий Адамович писал в 1928 году:

«Недавно кто-то сказал, что русская литература за рубежом существует лишь в Париже и Праге. В других городах нет литературы, есть только отдельные писатели. Слова справедливые».

В Праге действовал целый ряд литературных союзов и объединений. Наиболее известные из них – это «Союз русских писателей

Николай Дзевановский (Болесцис). 1920-е годы

Альфред Людвигович Бем

и журналистов в ЧСР», «Вторники (Литературные чаи) «Воли России», «Скит поэтов», «Семинар по изучению творчества Ф.М. Достоевского», «Далиборка», литературные кружки и семинары при Русском народном (свободном) университете в Праге. Существовали русские литературно-художественные кружки и в пригородах Праги – это широко известные «Збраславские пятницы», а также «Вшенорско-Мокропсинский русский клуб», «Русский кружок в Черношице», «Русский кружок в Ржевнице». В деятельности многих из них активное участие принимали одесситы. Так, одним из основателей и многолетним товарищем

председателя созданного в 1922 году «Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике» был одессит Лев Флорианович Магеровский. Другой одессит, астроном Всеволод Стратонов, был участником «Збраславских пятниц», а затем, переехав из Збраслава в Черношице, вместе с историками В.А. Мякотиным и А.Ф. Изюмовым организовал на манер «Збраславских пятниц» «Русский кружок», собрания которого посещали более ста человек. Среди лекторов кружка были видные деятели русской колонии в Чехословакии: литературоведы Д.И. Чижевский, В.А. Амфитеатов-Кадашев, В.Ф. Булгаков, собственно основатели историки А.Ф. Изюмов и В.А. Мякотин, философы С.И. Гессен и И.И. Лапшин. Такой же «Русский кружок» в Ржевнице (предместье Праги) также был создан в мае 1926 года по инициативе В.В. Стратонова.

Характерной отличительной чертой пражских литературных объединений была продолжительность их «жизни» – так, литературный кружок «Далиборка», возникший летом 1924 года

в одноименной пражской кофейне, названной в честь чешского средневекового рыцаря Далибора, просуществовал без малого десять лет; «Союз русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике» вел свою деятельность почти двадцать лет. Но рекордсменом, безусловно, является литературное объединение «Скит поэтов» – созданное в декабре 1921-го как «Литературно-поэтическая ассоциация», весной 1922-го переименованное в «Скит поэтов», а в 1930-м просто в «Скит» (все просто – среди его участников появились прозаики), оно существовало до весны 1945 года, когда трагически погиб его бессменный руководитель Альфред Людвигович Бем.

Именно «Скит» во многом определил литературную жизнь русской эмигрантской Праги. За годы существования через него прошло около пятидесяти человек (гости и друзья не в счет), но официальными членами стали только тридцать шесть. В архиве А.Л. Бема сохранился пронумерованный список под названием «Четки».

Участников «Скита» можно разделить на три поколения – по времени их работы в объединении. Первое поколение было немногочисленным. К нему принадлежали: Сергей Рафальский, Николай Дзевановский (Болесцис), Александр Туринцев, Алексей Фотинский. Яркими представителями второго поколения были: Вячеслав Лебедев, Екатерина Рейтлингер, Василий Федоров, Эмилия Чегринцева, Алексей Эйснер, Христина Кроткова, Раиса Спинадель, Дмитрий Кобяков, Мария Мыслинская и другие. Третье поколение пришло в «Скит» в конце 20-х и начале 30-х годов. Это были: Алла Головина, Татьяна Ратгауз, Кирилл Набоков (брат Владимира Набокова), Вадим Морковин, Евгений Гессен, Нина Мякотина, Ирина Бем. И хотя скитовцы говорили между собой о смене поколений, на самом деле разница в возрасте между ними была очень невелика.

Датой рождения «Скита поэтов» можно считать 26 февраля 1922 года, когда в пражском общежитии «Худобинец» (бывшей богадельне Св. Варфоломея), что на Вышеградской улице Праги, Альфред Людвигович Бем прочитал собравшимся молодым начинающим литераторам доклад на тему «Творчество как вид активности». А предшествовала этому его встреча с будущим юристом

Сергеем Рафальским и будущим медиком Николаем Болесцисом (Дзевановским), которые еще совсем недавно были его учениками в варшавском литературном объединении «Таверна поэтов». Именно они – родившийся в Волынской губернии сын священника и родившийся в Одессе сын генерал-майора, – оказавшись в Праге, немедленно дали в «худобинском» общежитии, где они жили, объявление о создании «Литературно-поэтической ассоциации», а узнав о переезде в Прагу А.Л. Бема (его пригласили преподавать русский язык и литературу в Карлов университет), сразу же предложили ему возглавить новое молодежное литературное объединение. Именно они указаны в знаменитых «Четках» – списке членов «Скита» – его основателями. Их стихотворения, опубликованные 2 июля 1922 года в варшавской газете «За свободу!», с которой тесно сотрудничал Альфред Бем, стали первой публикацией произведений скитовцев. Тогда были опубликованы стихотворения «Молитва о России» Сергея Рафальского и «В розовом кафе» Николая Болесциса; они сопровождались заметкой Бема, где подчеркивалась тесная связь между варшавской «Таверной поэтов» и новообразованным пражским «Скитом поэтов».

Альфред Людвигович Бем был на протяжении всех двадцати лет существования «Скита» его безусловным и непререкаемым лидером. Он был авторитетен, но отнюдь не авторитарен (Вадим Морковин писал, что он был тихим мягким человеком, типичным русским интеллигентом начала века, со всеми достоинствами и недостатками), и весь его жизненный путь посвящен был литературе и литературоведению, но привела его в Прагу... политика. Альфред Людвигович родился в 1886 году в Киеве, изучал филологию в Петербургском университете, где был даже арестован за участие в студенческих волнениях. Его активность поражает – он становится «мотором» Общества Толстовского музея и Русского библиографического общества. Весь послереволюционный 1918-й год он мотается между Киевом, где живут его жена и дочь, и Петроградом, где работает в Рукописном отделе Библиотеки Российской академии наук под руководством А.А. Шахматова и В.И. Срезневского. В июле 1919-го в связи со вторыми родами жены Бем вновь приезжает в Киев, где продолжается череда по-

стоянных смен властей. Он уезжает по делам на Юг и после «воцарения» в Киеве красных (забавный оксюморон) просто не имеет возможности вернуться. В конце концов Бем из Одессы уезжает в эмиграцию – сначала в Белград, затем в Варшаву и Прагу (в январе 1922-го), куда к нему уже приезжает жена с детьми. Приехав в Прагу по приглашению из Карлова университета, Альфред Людвигович продолжает свою обычную кипучую деятельность – становится секретарем Русского педагогического бюро, создает при Русском народном университете семинарий Достоевского, имевший, без преувеличения, европейскую известность, и организует Общество Достоевского, выступает инициатором создания политического клуба «Крестьянская Россия», организует съезды деятелей русской зарубежной школы и иницирует празднование Дней русской культуры в Праге... Разумеется, становится членом Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, Пражского лингвистического кружка, Русского исторического и Русского философского обществ. И – возглавляет «Скит поэтов».

Интересна организация деятельности «Скита» – особенно для нас, членов Всемирного клуба одесситов, при котором в феврале 2009 года возникла литературная студия «Зеленая лампа».

«С самого начала, – вспоминал Бем, – «Скит» не был объединен единством литературных симпатий. Даже в зачатке того, что именуется поэтической школой, здесь не было. Объединяло иное – желание выявить в себе поэтическую индивидуальность, не втискивая ее заранее в ту или иную школу». «Что объединяет «Скит»?» – спрашивал Бем на юбилейном вечере «Скита» 22 апреля 1932 года. И отвечал: «Общение на почве творческих исканий. Убеждение в необходимости работы над словом. Стремление быть «с веком наравне». Чуткое прислушивание к явлениям литературы. Отношение к советской литературе. Свобода критики».

Сам Альфред Бем как литературный критик формировался именно в «Ските». Направление, в котором он работал, сам он и Г. Адамович называли «активизмом» – в соответствии с базовой, основополагающей для начала деятельности «Скита» лекцией «Творчество как вид активности», той самой, которая была прочитана Бемом на первом заседании объединения. Именно

творчество, дающее ответ на внутренние запросы человеческого духа, считал он высшей формой активности.

Лекции Альфреда Бема задавали тон деятельности объединения. Только в первый год существования объединения он прочел в нем лекции «Творчество как вид активности», «Из речи Блока о Пушкине», «Слово и его значение», «Психологическая основа слова (почему мы говорим)», «Об изменении значения слова», «Предложение в поэтическом синтаксисе», «Звуковая оболочка слова как фактор поэтического языка», «Композиционные повторения», «Строфа». К сожалению, не все протоколы сохранились. В рукописи «Поэтика» (Чтения в «Ските поэтов». Прага, 1922) значатся еще такие темы: «Вопросы теории литературы в России», «Учение Потебни о слове», «Подновление лексики», «Рифма», «Внутренняя рифма», «Каноны», «Канонизированная форма стиха и строфы», «Лирика». В последующие годы Альфред Людвигович прочитал на собраниях «Скита» множество интереснейших лекций и статей, среди которых – «О советской литературе» (1933 год), «Русский футуризм» (1940 год), «Задачи современной эмигрантской литературы» (1944 год). Бывали лекции и приглашенных профессоров и литераторов – Н.Е. Осипова, И.И. Лапшина, С.В. Завадского и других.

После лекций часто возникали оживленные дискуссии, причем участники прений далеко не всегда соглашались с руководителем.

Благодаря замечательной инициативе ведения протоколов мы можем узнать, что происходило на первых заседаниях «Скита поэтов». Подробные записи, которые велись на каждом собрании, постепенно превратились в толстые журналы, и журналы такие стали самостоятельными литературными произведениями – записывающий выступал в роли рассказчика, который не только фиксировал высказывания выступающих, критику их произведений или, наоборот, одобрительные отзывы, но и обязательно резюмировал в конце все произошедшее на собрании и делился своими собственными впечатлениями.

Протоколы велись первые два года, а с 20 октября 1924 года сам Альфред Людвигович стал вести краткие записи о присутствующих и повестке дня. На собраниях Бем всегда брал заклю-

чительное слово, подводя итог всем высказываниям и ставя свой «окончательный приговор» над прочитанным, не считаясь ни с личностью, ни с тенденциями автора. Скитовец Вячеслав Лебедев вспоминал, что «с его вдумчивой оценкой всегда все соглашались. В этом отношении «Скит» был, вероятно, единственным жизненным примером идеальной идейной диктатуры, свободно осуществляемой без всяких принудительных средств». А один из основателей «Скита» Сергей Рафальский вспоминал: «Собрания наши проходили в читке собственных произведений и их разборе. Причем с самого начала был взят тон критики беспощадный. Может быть, именно поэтому кружок разрастался слабо: случайные авторы больше одного собрания не выдерживали».

У скитовцев были свои, зачастую забавные ритуалы. Например, для новичков существовал обряд «посвящения» с тайным голосованием и оглашением результатов, после чего скитовцы «потирали руки». Ведение таких протоколов было для молодых авторов веселой литературной игрой. Этой игрой была порождена шуточная терминология: сам Альфред Людвигович именовался «отцом-настоятелем», участники именовали себя «монахами» и «монашками», «послушниками»; друзья и гости именовались «братьями и клиром».

Еще одно замечательное начинание – ведение архива. Архив «Скита» был организован с самого начала, и в него собирались прочитанные и одобренные стихи и проза.

«Никакого устава в «Ските» нет, нет поэтому и строго определенного состава. Установилась традиция – молчаливое принятие или не принятие в свой состав. Без особого сговора, все знают, кого можно считать своим. «Скит» имеет свое окружение, друзей «Скита», как между собой называют постоянных гостей его собраний, которым всегда рады», – писал Сергей Васильевич Постников в своем сборнике «Русские в Праге», вышедшем в 1928 году.

Наряду с поэтами в «Ските» постепенно образовалась группа прозаиков – Иван Тидеман, Михаил Иванников, Семен Долинский. Время от времени читали свою прозу и поэты – Сергей Рафальский, Вячеслав Лебедев, Николай Болесцис.

Собрания «Скита» проходили еженедельно, кроме каникул. В 20-е годы – по пятницам в помещении Русского педагогического

бюро на Галковой улице на Виноградах, а в середине 30-х годов – в мастерской скульптора Александра Головина, мужа поэтессы Аллы Головиной, и в других местах Праги. Чешская студентка, приглашенная на собрание «Скита» в мастерскую Головина, вспоминала: «Приходящие сидели на ящиках. Гости должны были принести с собой сахар к чаю и печенье. Никогда не забуду чудесную атмосферу, царившую там...».

Для нас это вдвойне интересно, потому что Александр Сергеевич Головин родился в 1904 году не где-нибудь, а в Одессе. После революции он оказался в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, откуда в 1923 году перебрался в Чехословакию. Аттестат зрелости он получил уже тут, в Русской реальной гимназии в Моравской Тржебове. Затем учился в Праге, в Высшей архитектурной школе (1924-1927), и на скульптурном отделении Академии художеств (1927-1928 годы). В 1925-1926 годах он стажировался в Париже. Александр Головин работал в манере символизма, обращаясь иногда к стилизации в духе немецкой готики или китайской пластики. В 1935 году он поселился в Париже и несколько лет подряд выставлял свои скульптуры в Салоне Независимых, а затем уехал в Америку. Головин приобщился к деятельности «Скита»

«Скит поэтов». Прага, 21 мая 1926 года

в 1929 году, когда женился на баронессе Алле Сергеевне Штейгер, которая стала членом объединения в ноябре того же года.

На заседаниях «Скита» бывало множество именитых авторов. В числе гостей были Марина Цветаева и Сергей Эфрон, Игорь Северянин и Владислав Ходасевич, Владимир Набоков, чей младший брат Кирилл был участником «Скита»; приходили и чешские литераторы – поэт Йозеф Гора, переводчик Петр Кржичка и многие другие. И все же костяк его составляла студенческая молодежь, которая в Праге того времени была настоящим «двигателем прогресса». И пусть литературное наследие участников «Скита» неравноценно, а некоторые из них достигли вершин своего творчества уже за пределами Праги, судьба их неразрывно связана со «Скитом».

Безусловно, для любого автора важны публикации. Скитовцы и сам Альфред Бем уделяли этому большое внимание. Стихи и проза членов «Скита» регулярно появлялись на страницах русской зарубежной периодики. Это пражские журналы «Своими

«Скит поэтов». Рафальский, Долинский, Воеводин, Бем, Болесцис, Тидеман, Федоров, Семенов
1926 год

Второй сборник «Скита»

путями», «Воля России» и «Студенческие годы», парижские «Современные записки», «Возрождение» и другие. У скитовцев выходили коллективные и индивидуальные сборники. Первый коллективный сборник «Скит I» вышел в 1933 году, последний – в 1937-м (всего их было четыре); а до этого, в 1929 году, вышел сборник одного из лучших поэтов «Скита» Вячеслава Лебедева «Звездный крен». В 1935 году в Берлине увидел свет сборник стихотворений Аллы Головиной «Лебединая карусель»; в 1936 году в серии изданий «Скита» вышел сборник Эмилии Чегринцевой «Посещения», а в 1938-м – ее сборник «Строфы».

В конце 20-х и начале 30-х годов в Праге закрылся целый ряд русских литературных и литературно-публицистических журналов (например, «Студенческие годы», «Своими путями», «Воля России»). В 1934 году группа скитовцев и «друзей «Скита»» начинает задумываться о создании собственного печатного издания. Была создана редакционная коллегия в составе А. Ваулина, В. Морковина, В. Мансветова и С. Чегринцева; было придумано рабочее название «Остров». Задумывалось, что журнал не будет исключительно скитовским, в нем могут публиковать свои произведения участники любых других литературных объединений. Параллельно с журналом задумывалось создание литературной газеты «Трибуна» (издатель – Сергей Чегринцев). Оба проекта не осуществились из-за отсутствия финансирования – как и третий проект, журнал «Мансарда», задуманный в мастерской Алексея Головина, располагавшейся под самой крышей одного из домов вблизи Вацлавской площади.

Скитовцы неоднократно писали о своем объединении. Во втором номере журнала «Студенческие годы» за 1923 год опубликована статья Николая Болесциса «Скит поэтов»; статья уже Людвиг Бема под таким же названием опубликована в журнале «Своими путями» в № 12-13 за 1926 год.

Произведения скитовцев очень быстро стали заметны. И, конечно же, начали подвергаться критике – причем критике со стороны маститых литераторов, а это кое-что да значило. Интересна, например, критика Иваном Алексеевичем Буниным опубликованной в журнале «Своими путями» подборки стихотворений поэтов русского зарубежья – парижан и пражан. Журнал этот издавался с ноября 1924 года Русским демократическим студенческим союзом в Чехословакии, и в 1925 году редакция разослала крупным русским писателям-эмигрантам обращения с просьбой рассказать на страницах специального номера, посвященного русскому зарубежью, «о современной

Автографы членов и друзей «Скита» на третьем сборнике

литературе и о себе». На призыв откликнулись М.А. Алданов, А.М. Ремизов, Ф. Степун, Марина Цветаева, Е.Н. Чириков и И.С. Шмелев. Иван Бунин, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский ответили отказом – в связи с тем, что журнал печатается в новой орфографии. А в следующем, 1926-м году, Бунин в одной из своих публицистических статей в газете «Возрождение» подвергает критическому разбору произведения целого ряда авторов, опубликованные в журнале. «Случайно просмотрел последний номер пражского журнала «Своими путями», – пишет он. – Плохие пути, горестный уровень! Правда, имена, за исключением Ремизова, все не громкие: Болесцис, Кротков, Рафальский, Спинадель, Туринцев, Гингер, Кнут, Луцкий, Терапиано, Газданов, Долинский, Еленев, Тидеман, Эфрон, и т. д. Правда, все это люди, идущие путями «новой» русской культуры, – недаром употребляют они большевистскую орфографию. Но для кого же необязателен хотя бы минимум вкуса, здравого смысла, знания русского языка? Вот стихи Болесциса, которыми открывается номер:

Капитан нам прикажет строго:
Обломайте стрелу на норд,
Чтоб назад не найти дорогу...
Мы, стаканы осушим до дна,
Бросим золото в грязь *таверэн*...

Вот Рафальский:

Кончить жизнь не стоило б труда,
Но слаще длить в пленительном обмане,
Что на ладони каждая звезда...

Вот Туринцев:

Дебаркадер. Экспресс. Вагон – и Вы...
Вы за щитом, мы не одни,
Сейчас не должен дрогнуть рот...
<...>

Вот Давид Кнут, у которого некто Он, идущий «за пухлым ангелом неторопливо», обещает Ною награду –

За то, что ты спасал
Стада и стаи *мечт* и слов,
Что табуны мои от гибели и лени
Твое спасло – Твое – весло...»

А в конце статьи Бунин и вовсе называет пражских поэтов «комсомольцами» – видимо, за то, что пишут они уже по правилам новой орфографии и не чураются современной им советской литературы. Но для нас интерес представляет то, что критикуемые Иваном Алексеевичем Христина Кроткова, Сергей Рафальский, Александр Туринцев, Семен Долинский, Иван Тидеман, Раиса Спинадель и Николай Болесцис являлись участниками «Скита поэтов», а последние двое – еще и одесситами; подробно о них мы расскажем позже. В ответ на эту критическую статью с критикой уже самого Бунина выступил Марк Львович Слоним. Они с Альфредом Людвиговичем Бемом регулярно выступали с критикой не только Бунина, но и всей французской эмигрантской школы.

В русской эмигрантской литературе, как мы уже указывали, в первую очередь выделялись парижская и пражская школы. Помимо собственно литературы именно Париж и Прага были столицами литературной критики. Имена Георгия Адамовича, Владислава Ходасевича, Альфреда Бема и Марка Слонима были на слуху у всей культурной публики; именно между ними и развернулась на долгие годы основная литературная полемика. В чем же была ее суть?

Основным камнем преткновения стало различное отношение к основным течениям русской поэзии первой половины XX века и отношение к русскому литературному наследию. Началось все в 1928 году, когда туда перебрался Марк Слоним, основав «Кочевье», а вокруг Ходасевича сформировался «Перекресток». Самой известной из тенденций в эмигрантской поэзии стала «Парижская нота», приверженцы которой ориентировались на литературные вкусы и требования Георгия Адамовича. Тогда в молодой парижской литературе и началась «борьба направлений».

Адамовича с Ходасевичем сближали «неоклассические» тенденции и неприятие авангарда. Однако с точки зрения Адамовича Ходасевич зашел слишком далеко в своем консерватизме; он считал, что современная поэзия не может ограничиваться только «пушкинскими горизонтами». Ходасевич главной задачей эмиграции считал сохранение русского языка и литературы и призывал учиться у классиков. Адамович же призывал говорить пусть негромким, но своим голосом, вкладывая в поэзию свою личную позицию, и считая подражание даже лучшим образцам бессмысленным.

В 1931-м к этой дискуссии присоединился Альфред Людвигович Бем – он схлестнулся с поэтическим мэтром русского эмигрантского Парижа Георгием Адамовичем. В своих критических заметках, публиковавшихся с 1931 года и до начала второй мировой войны в газетах «Руль» (Берлин), «Молва» и «Меч» (Варшава) под общей рубрикой «Письма о литературе», чуть ли не основное внимание Бем уделял явной или скрытой полемике с Адамовичем и настроениям «парижской ноты». Первый, авангардный период русской эмигрантской поэзии, который он называл «героическим», он явно предпочитал второму, «парижскому», который считал «упадочным» и тупиковым. И ему было что противопоставить парижской «ноте».

Если в Париже преобладали традиции Санкт-Петербурга с его классицизмом и акмеизмом и полностью отторгались все последующие течения русской литературы – и, разумеется, вся советская литература, то пражане тяготели к поэзии московской – Цветаевой, Пастернаку, Есенину. Отличие литературной ориентации «Скита» от литературных традиций эмигрантского Парижа Альфред Людвигович Бем сформулировал в своей статье о творчестве Эмили Чегринцевой: «Если Париж продолжал линию, оборванную революцией, непосредственно примыкая к школе символистов, почти не отразив в себе русского футуризма и его своеобразного преломления в поэзии Б. Пастернака и М. Цветаевой, то Прага прошла и через имажинизм, смягченный лирическим упором С. Есенина, и через В. Маяковского, и через Б. Пастернака. Это не подражание, а естественный путь развития русской поэзии. Думается, именно здесь лежит одно из основных различий между «пражской» и «парижской» школами».

«Уже с самого начала наметился один уклон, – он остался характерен для «Скита» и по сей день, – напряженный интерес к современной русской литературе – к поэзии особенно, – писал в 1928 году С.В. Постников. И продолжал: – Были поэтические уклоны, их можно даже наметить. Одна часть (главным образом с присоединением к «Скиту» двух варшавян из «Таверны поэтов») тянула к акмеизму, другая – пражане – явно влеклась к футуристам типа Маяковского. Посредником между теми и другими был Сергей Есенин. Любопытно, символизм никого не влек к себе, даже к Блоку чувствовался холодок. Когда в «Скит» случайно забредали новые поэты, не прошедшие вовсе школы современной поэзии, они очень быстро отходили. Просто не находили общего языка».

15 января 1935 года Бем прочел в «Ските» свою статью «О двух направлениях в современной поэзии». Существование двух направлений – «парижского» и «пражского» – он считал непреложным фактом. Соглашался с этим и Георгий Адамович. Он писал шутливо в 1935 году в парижской газете «Последние новости»: «У нас тут (то есть в Париже) – все больше звезды, покойники да ангелы. Там – аэропланы. Парижане – пессимисты и меланхолики, пражане – оптимисты и здоровяки».

«Пражская» школа гораздо доброжелательнее относилась не только к новаторским течениям в русской литературе, но и к советским авторам; но «дневниковая» парижская поэзия не могла не оказывать влияния на поэтов «Скита». Противопоставление парижской «ноте» стало очевидным. Даже Ирина Бем подчеркивала направление «Скита» как противопоставление «предельной простоте» парижской школы.

В полемике с Адамовичем Альфред Людвигович Бем периодически заключал временные союзы и с Ходасевичем, и со Слонимом. Но временный союз Бема с Ходасевичем определялся скорее наличием общего оппонента, нежели наличием единства взглядов. Ходасевич не мог принять увлечения пражан Пастернаком, которого он ценил весьма невысоко, а футуристов вообще не переносил и считал их влияние пагубным. Взгляды Бема были гораздо ближе Марку Слониму, который всячески приветствовал новаторство в литературе и называл «парижскую ноту» «франкопетербургской меланхолией».

Эта многолетняя полемика не могла не отразиться на оценке творчества скитовцев главным представителем «противоборствующей» стороны. И если на статьи и высказывания Бема Георгий Адамович предпочитал не отвечать – как, собственно, и на статьи Слонима, – то о творчестве поэтов «Скита» высказывался неоднократно. И в основном негативно.

В рецензии на первый коллективный сборник «Скита» он писал: «Пражский сборник «Скит» до крайности неровен. Он в меньшей степени представляет какое-то литературное объединение, чем берлинский «Невод». У сборника нет «лица». Каждый из участников его идет своей дорогой, не мешая соседям, но и довольно слабо поддерживая их». Надо сказать, что и сами скитовцы считали сборник неудачным.

Примерно так же оценил он вышедший через год второй сборник: «В Париже поэты настроены, пожалуй, консервативнее, – если только считать консерватизмом неприязнь к футуристической манере стихосложения. В Париже меньше внешних эффектов, больше выдержки. Прага романтичнее, порывистее... Это было бы хорошо, если бы пражские «скитники» отличались большей разборчивостью в выборе поэтических средств. На них сильно влияет Пастернак. Но большей частью они берут от Пастернака лишь оболочку его стиля и этим ограничиваются».

Нужно сказать, что несмотря на критику Бемом «парижской ноты», парижские настроения в творчестве участников «Скита» чувствовались все сильнее. Особенно заметно проявилось это в четвертом сборнике, о котором Лев Гомолицкий писал: «Произошло худшее: «Скит» не капитулировал в целом, он раскололся на капитулировавших и оставшихся на прежнем пути. Тут прошла глубокая трещина, и часть прежней плавучей льдины, на которой спаслись скитники среди сурового океана современности, отделившись, быстро относит на запад – к Парижу. Парижские веяния, охватившие Прагу, очевидны».

Признавал это и Альфред Людвигович Бем. В своем письме от 20 июля 1937 года к Эмили Чегринцевой он писал: «Получили ли вы последний № «Меча» со статьей Гомолицкого о «Ските»? Он «Скит» хоронит и, как я и ожидал, считает, что IV сборник свидетельствует о полной капитуляции перед Парижем. По существу

он прав, и так сборник будет всюду восприниматься. Я уже этим переболел и смотрю на все со стороны».

Подводя итог многолетней дискуссии, поэт и критик Юрий Иваск писал: «Адамович, предписавший пиано-пианиссимо парижской поэзии и способствовавший созданию «школы», творчески победил своих противников – Ходасевича и Бема».

Георгий Адамович не оценил попытки пражан стать парижанами. Оценивая четвертый сборник «Скита», он писал: «Сборник пражского «Скита» – серее и скучнее, чем обычно. Уровень, разумеется, соблюден – за исключением стихотворения В. Мансветова, совсем детского. Но у составителей этой тоненькой книжки будто только об уровне и была забота...».

Справедливости ради нужно сказать, что идеолог «парижской ноты» положительно отзывался от творчестве некоторых скитовцев. В «Литературных записках» можно найти его отзыв на стихотворение Вячеслава Лебедева, опубликованное в 1929 году в «Литературных записках», – Адамович пишет о том, что стихотворение «живое». В нем заметно «дыхание». Отмечал он и Эмилию Чегринцеву – признавал, что ее «дарование творчески подлинное».

Гораздо благожелательнее отзывались о творчестве скитовцев другие признанные критики того времени – помимо Слонима и Ходасевича это были и Георгий Иванов, и Петр Пильский. Они ценили и положительно отзывались о творчестве Аллы Головиной, Эмилии Чегринцевой.

В истории «Скита» можно выделить два периода. Первый, который скитовец Лев Гомолицкий назвал «героическим», – это 20-е годы XX века. В этот период в творчестве скитовцев преобладает повествовательное, сюжетное, конструктивное начало, а облик «Скита» определяют преимущественно поэты-мужчины, часть из которых прошла через ужасы гражданской войны. В 30-е годы «Скит» обретает преимущественно женское, лирическое лицо и невольно сближается с лирической «парижской нотой». Скитовцев привлекали Париж и Москва; в Праге закончилась «Русская акция помощи», и столица Чехословакии потеряла свою привлекательность для многих эмигрантов. Началась череда отъездов. Но даже уехав в другие города и страны, скитовцы

старались поддерживать связь с Прагой, присылали друзьям и Бему свои стихи, заочно принимали участие в вечерах «Скита» и даже указывали при публикациях свою принадлежность к «Скиту». «Скит» поддерживал связи и с Парижем, и с Берлином, где вышла книга А. Головиной «Лебединая карусель» и антология русской зарубежной поэзии «Якорь» со стихами ряда скитовцев, и с провинциальными эмигрантскими центрами (Варшавой – прежде всего в лице Льва Гомолицкого, Таллином, Белградом, Шанхаем). Сборники Эмилии Чегринцевой, например, вышли под эгидой «Скита» в Праге («Посещения») и Варшаве («Строфы») в 1936 и 1938 годах.

В разных статьях о деятельности «Скита» указываются разные даты окончания его работы – это и 1940-й, и 1941 год. «Четки» свидетельствуют, что два последних участника – старшая дочь Альфреда Людвиговича Ирина Бем и Николай Терлецкий – были приняты в члены объединения 19 апреля 1940 года. Действительно, после подписания Мюнхенского договора жизнь русских беженцев в Чехословакии не могла не измениться – с 1939 года встречи проходили уже не еженедельно, а раз в месяц; а последние совместные чтения прошли 6 сентября 1940 года – Эмилия Чегринцева прочла свои стихотворения «Война» и «Чужой дом», а сам Альфред Людвигович Бем – свое стихотворение «Петербург». Но были еще выступления, литературные вечера, в которых участвовали скитовцы. На одном из таких вечеров в начале 1943 года Ирина Бем презентовала сборник своих стихотворений «Орфей». Последнее коллективное выступление состоялось 19 мая 1944 года на Семинаре по изучению русского языка и литературы при Русской ученой академии в Праге (бывшем Русском свободном университете). Альфред Людвигович Бем говорил тогда о «Задачах современной эмигрантской литературы», этот доклад лег затем в основу его известной статьи «Русская литература в эмиграции», напечатанной по-чешски и по-русски. В том же 1944-м вышла последняя его прижизненная книга – «Церковь и русский литературный язык».

Поэтому позволю себе считать, что деятельность «Скита» закончилась со смертью его духовного отца и бессменного руководителя Альфреда Людвиговича Бема, в 1945 году.

Один из лучших поэтов среди скитовцев, Вячеслав Лебедев пишет: «Собираясь и выступая публично во время оккупации, «Скит» никогда не сделал ни одного приветственного жеста в сторону немцев. Наоборот: два его члена заплатили жизнью за несоответствие с немецким миром». И еще: «Эмиграция не берегла, да и не могла уберечь своих молодых талантов, разрозненно погибавших или просто замолкавших в тяжелых жизненных условиях. В этом аспекте работа А.Л. Бема с литературной молодежью и его стремление по мере сил поддержать и направить все ее неокрепшие еще дарования на правильный путь и приохотить к регулярной работе над словом и над самим собой является чрезвычайно ценной и, вероятно, исключительной в истории эмиграции. Его значение для литературной эмигрантской поросли ясно проявилось в распаде «Скита» после его смерти и в прекращении всякой литературной деятельности в Праге после 45-го года».

Жизнь Альфреда Людвиговича оборвалась трагично. Было понятно, что его, искреннего и яростного критика советской власти, арестуют в числе первых. Но он не ушел весной 1945-го на Запад и остался в Праге. Он предчувствовал свой конец – 22 апреля записал в дневнике: «Решающие дни: Сегодня причастился. Стало ясно, что и моя судьба под вопросом, но об этом молчу. К смерти не готов». До сих пор обстоятельства смерти Альфреда Людвиговича остаются загадкой. Существуют различные версии – он покончил с собой во время допроса или был расстрелян во дворе пражской тюрьмы Панкрац сотрудниками СМЕРШа, или погиб в лагере... Ныне известно абсолютно достоверно вот что: 16 мая Бем был арестован. О том, как это произошло, пишет младшая дочь ученого Татьяна Бем-Рейзер:

«Я была в нашей бубенечской квартире, когда позвонили двое чехов и попросили пройти с ними за угол перевести что-то, так как они не могут договориться. Папа ушел в белом полотняном костюме, даже без шляпы, только со своим помощником – тростью, без которой не умел ходить. Я следила с балкона за его маленькой искривленной детским параличом фигуркой, как она скрылась за углом.

Бедный, бедный папа! Где, в каких местах, в какой трущобе погиб он? Расстреляли ли его, приставив к стенке, или просто

он умер от холода или от горя, полный тревоги за меня, за маму, за сестру? Сказал ли ему кто-нибудь перед смертью доброе напутственное слово? Кто закрыл ему глаза? Кто похоронил его?»

Судьба скитовцев сложилась по-разному – у многих трагично. Кто-то погиб в немецких концлагерях и тюрьмах, как Евгений Гессен. Кто-то погиб в лагерях советских – как Михаил Скачков и Борис Семенов. Многие вернулись на родину – как Екатерина Рейтлингер, Христина Кроткова, Дмитрий Кобяков, Раиса Спинадель, Алексей Эйснер; многие разъехались по городам и странам – от Парижа и Брюсселя до Нью-Йорка, Вашингтона и даже Венесуэлы... Кто-то остался в литературе и даже приобрел известность в литературе других стран – Лев Гомолицкий как польский прозаик и эссеист, а Николай Терлецкий стал чешским писателем. Литературную деятельность продолжили Вячеслав Лебедев, оставивший после своей смерти в Праге более тридцати неизданных стихотворных сборников, Христина Кроткова, Вадим Морковин, Елена Глушкова, Дмитрий Кобяков. Ирина Бем продолжила писать стихи и переводить на русский язык чешских поэтов, работала вместе с Вадимом Морковиным над юбилейным сборником к пятидесятилетию «Скита», который так и не был опубликован. Многие отошли от творчества – Альфред Вурм и Николай Андреев стали учеными, а Александр Туринцев принял священнический сан и стал настоятелем Патриаршего подворья в Париже. Но для всех них, без сомнения, годы участия в «Ските» с его творческой, интеллигентной и доброжелательной атмосферой стали одними из лучших в жизни. После второй мировой войны ничего этого не стало...

Итоги деятельности «Скита» можно рассматривать по-разному. Да, пожалуй, что по-настоящему крупных поэтов русская Прага не дала. Но – были заметные имена. Если первое поколение скитовцев в литературе почти не прозвучало, то представители второго поколения Вячеслав Лебедев и Эмилия Чегринцева и третьего – Алла Головина – явно выделяются на фоне остальных. И пусть они не стали классиками, но каждый из них несколькими стихотворениями останется в истории русской поэзии. Ряд стихотворений скитовцев стал основой для песен – взять хотя бы «Человек начинается с горя» Алексея Эйснера.

А самое главное – именно «Скит» стал обителью пражской школы поэзии.

Оценивая роль «Скита», Альфред Людвигович Бем писал: «...что дал «Скит» его участникам? Независимо от степени одаренности: помогал оформлению в слове их творческого напряжения. Будут ли итоги объективно ценные? Это может показать только время. Если в обстановке «Скита» оказался или окажется действительно одаренный человек (а не может таких одаренных людей не быть среди нас), и эта обстановка будет благоприятна для его поэтического роста – то «Скит» не только субъективно (в порядке хорошего времяпрепровождения), но и объективно себя оправдал».

* * *

Среди участников «Скита» было двое одесситов – Николай Болесцис (Дзевановский) и Раиса Спинадель. Почти ровесники – но судьбы их сложились совершенно по-разному.

Николай Вячеславович Дзевановский был сыном генерал-майора Генерального штаба Вячеслава Андреевича Дзевановского, происходившего из польского дворянского рода, и Марии Стефановны Дзевановской (в девичестве Мулевич). Он родился в Одессе 1 февраля 1897 года, окончил в нашем городе гимназию и Сергиевское артиллерийское училище. Такой выбор был неудивителен – имя отца Вячеслава Андреевича было широко известно в российских военных кругах. Хочу остановиться на его биографии подробнее.

Вячеслав Андреевич Дзевановский сделал блестящую карьеру – после окончания Киевского пехотного юнкерского училища он был определен в чине подпоручика на службу в 14-ю артиллерийскую бригаду, где был назначен учителем бригадной учебной команды и даже награжден серебряной медалью в память царствования императора Александра III – 26 февраля 1896 года. 10 апреля того же года в Николаевской в Ботаническом саду церкви города Одессы венчались «подпоручик 5-й батареи 14 артиллерийской бригады Вячеслав Андреев Дзевановский, православный, первым браком, 25 лет, и дочь надворного советника Мария

Стефанова Мулевич, православная, первым браком, 19 лет. Свидетели по жениху: поручик 14 артиллерийской бригады Владимир Иоаннов Воскресенский и подпоручик той же бригады Владимир Николаев Сирков, по невесте: студент университета Св. Владимира Антоний Андреев Дзевановский и кандидат естественных наук Иоанн Иоаннов Хайно».

А уже 15 июня Вячеслав Андреевич был командирован в Николаевскую академию Генерального штаба, где за успехи в науках произведен в штабс-капитаны и по окончании учебы назначен на службу в Варшавский военный округ – 5 июня 1899 года. Места службы Вячеслава Дзевановского менялись, как картинки в калейдоскопе, – Варшава, австрийский Линц, Иркутский район, Забайкальский район, остров Крит, город Канев; затем вырвался к семье – 12 февраля 1907 года назначен в распоряжение командующего войсками Одесского военного округа, но прибыть в штаб Одесского военного округа удалось только 20 сентября, а уже 30 сентября он был назначен начальником строевого отделения штаба Новогеоргиевской крепости, что под Варшавой. Оттуда откомандирован в Тулу, вновь возвращается в Новогеоргиевскую крепость и – наконец-то в 1909 году назначен заведующим передвижением войск Одесского района, а через пять лет – начальником военно-эксплуатационного отдела управления начальника военных сообщений Одесского военного округа и исполняющим обязанности начальника военных сообщений Одесского военного округа.

С началом первой мировой войны Вячеслав Андреевич – командир 1-го Лейб-гренадерского Екатеринославского полка и исполняющий обязанности начальника военных сообщений 7-й армии. 6 декабря 1915 года он был произведен в генерал-майоры, а 23 декабря назначен начальником военных сообщений Одесского военного округа. Затем новые назначения – начальником военных сообщений армий Северного фронта, начальником военных сообщений армий Юго-Западного фронта. С началом гражданской войны Вячеслав Дзевановский служит в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. После эвакуации из Крыма генерал РОВС Дзевановский с семьей перебирается в Болгарию, откуда в 1922-м перебирается в Варшаву.

За годы службы генерал Дзевановский участвовал в десятках сражений и был награжден множеством наград – орденами Святого Станислава 2-й и 3-й степени, Святого Владимира 3-й и 4-й степени, Святой Анны 2-й степени, иностранными орденами Князя Даниила I Черногорского 3-й степени, Румынской звезды командорской степени и японским орденом Восходящего Солнца 3-й степени.

Вначале я совершенно не планировал писать о Вячеславе Андреевиче Дзевановском. Но, прочитав его биографию, был поражен и посчитал невозможным не поделиться этим. Ведь в судьбе его отражается целая эпоха... А самое главное – биографы отца восполнили пробел в информации о судьбе сына. В литературе о «Ските поэтов» годы жизни Николая Болесциса после отъезда из Праги в Варшаву не были освещены совершенно – авторы стандартно указывают, что переписка его с Альфредом Людвиговичем Бемом прекратилась в 1933 году, и делают предположение, что умер Николай Болесцис в 1930-х годах в Вильно. Это не так. Отец и сын Дзевановские погибли в 1944 году в Варшаве во время Варшавского восстания. Офицеры всегда остаются офицерами...

Но вернемся на двадцать лет назад.

Николай Болесцис приехал в Прагу и в 1922 году поступил на медицинский факультет Карлова университета. Он часто ездил к семье в Варшаву и посещал там заседания возникшего в 1921 году под руководством Бема литературного объединения «Таверна поэтов». Печатался в варшавской газете «За свободу!». 31 августа 1924 года женился на Татьяне Балуца, а в 1925-м супруги становятся слушателями Русского народного университета, оба состоят при ЦК «Крестьянской России – Крестьянской трудовой партии». В том же 1925 году Николай был принят в Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1928 году Николай Болесцис еще в Праге – Сергей Постников пишет, что из «отцов-основателей» литературного объединения в Праге остался только он. В самом конце 20-х или начале 30-х он уезжает в Варшаву.

Важно другое. Все эти годы Николай Болесцис писал хорошие стихи. И одно из них – опубликованное в седьмом номере журнала «Воля России» за 1929 год стихотворение «Одесса»:

Одесса

Н.К. Стилосу

Спускался город стройными рядами
до берега. На улицах весной
цвели деревья белыми цветами.
Их гроздь душные и первый зной,
и море, брызгами пришельца встретив,
и песни порта – дерзкий жизни жар –
кружили голову, как кружит ветер,
из рук ребенка вырвав пестрый шар.

В моей душе я сохранил упрямо
его простор и зной, и простоту,
гул площадей и шорох ночи пряной,
и первую над городом звезду.

* * *

Я помню запах водорослей синих,
игрушечные в небе облака,
ночами – сети звезд, и вместе с ними
над морем глаз трехцветный маяка.
Я помню, как кружился ветер вольный
и в море чаек обрывал полет;
как на глазах – из глубины на волны
тяжелый поднимался пароход.

Шли корабли Неаполя, Марсея
за деревенским золотым зерном,
и вечерами чуждое веселье
гремело над просмоленным бортом.

* * *

Я помню окрик в рокоте лебедек,
тяжелый шелест жаркого зерна,

рядами бочки и на бочках деготь,
и деготь солнцем плавил весна.
Я помню кости черной эстакады
и бурный дым... О, в дыме не найти,
кому они последнею наградой
за светлые привольные пути.

Здесь – в раскаленных дереве и стали,
без горечи, без страха и тоски
любили, верили и умирали
лукавые морские мужики.

Я помню сладкие цветы акаций
и пыль, и соль, и розовый туман,
и острый парус – ветренный искатель
не нарисованных на карте стран.
Я помню степь – ковыль косою русой
и шорох волн, и желтый лунный круг,
когда руке так радостно коснуться
доверчивых и боязливых рук.

О, власть весны! Язык любви и встречи:
единственный – он так священно прост,
когда над городом весенний вечер
и между звезд раскинут млечный мост.
Я помню город. Я давно отрезан
от стен его границами людей,
но сколько раз – под строгий рокот леса,
под шорох медленных чужих полей
я повторял – Одесса!

В нескольких сборниках стихотворений скитовцев, вышедших уже в наши годы, опубликованы стихотворения Николая Болесциса за период с 1922 (из варшавской газеты «За свободу!») до 1933 года. Интересно, что морская тема и тема приключений занимают большое место в его творчестве – это видно даже по названиям стихотворений. Например, в первом номере журнала «Воля России» за 1928 год опубликовано стихотворение «Рыбаки»:

Рыбаки

Случайною копеей дорожа,
тяжелый парус распустив лениво,
по воскресеньям праздных горожан
они катают в тишине залива.
Но у борта – среди пугливых дам,
но и в толпе приморского базара
так необычны городским глазам
огонь и дым их темного загара.
Потомки первых – хищных рыбаков,
они живут и чувствуют иначе:
им тень скалы – незаменимый кров,
и ветер рвет их бороды рыбацьи.
Для них, по трапу соскользнув тайком,
привозят в длинных черных пароходах
в соломенных бутылках крепкий ром,
рассказы о смешных – чужих народах;
для них на синюю во тьме косу
приходят девушки, поют над морем
и леденцы дешевые сосут,
весеннее подслащивая горе.
Они одни – простые рыбаки,
от берега по звездам путь наметив,
разматывают влажные круги –
для хитрых рыб затейливые сети.
И только им отмерено Судьбой
расстаться с жизнью горестно, но просто:
– с последнею девятою волной!
– с последним свистом зимнего норд-оста!

В журнале «Студенческие годы» в 1925 г. печатались отрывки из книги «Путешественник», посвященной морским путешествиям и приключениям.

В 1929 году Николай Болесцис переезжает к родителям в Варшаву, где продолжает литературную деятельность и, судя по всему, научную и врачебную практику. Этот период жизни

одесско-пражско-варшавского поэта до дня его гибели во время Варшавского восстания еще предстоит изучить.

* * *

Раиса Спинадель стала участником «Скита» 3 ноября 1924 года (номер 14 в «Четках»).

Раиса Петровна (Пинхасовна) Спинадель родилась в Одессе в 1899 году. В первом замужестве она стала Козаковой, а во втором – Спинадель (Разумовой). В 1921 году вместе с мужем, студентом-медиком Львом Александровичем Спинаделем (Разумовым), и двухлетним сыном она из румынской тогда Бессарабии приезжает в Прагу и поступает на Русский юридический факультет. Русская акция помощи Чехословацкого правительства была в те годы настолько привлекательной, что многие, окончив один институт, поступали учиться в другой – стипендия позволяла прожить не просто сносно, а довольно неплохо. Не была исключением и Раиса Спинадель, – окончив в 1924 году юридический факультет, она в следующем году стала слушательницей Русского института сельскохозяйственной кооперации.

Стихотворения Раисы Спинадель публиковались в журналах «Своими путями» – в том самом номере, который раскритиковал Бунин; в студенческом журнале «Годы».

В 1928 году поэтесса разводится с мужем и уезжает в СССР. Она живет в Ленинграде и Москве, где продолжает публиковаться – в журнале «Ленинград» и других изданиях. Знание чешского языка пригодилось – в 1930 году она перевела на русский язык роман Карела Чапека «Фабрика Абсолюта», который был набран, но не издан. Писательская карьера в Советском Союзе сложилась успешно – Раиса Петровна стала членом Союза писателей СССР и Иностранной комиссии Союза писателей СССР.

Темы стихотворений Раисы Спинадель – преимущественно философские. Это ощущается с первых строчек: «Торжественно, в сонета строгой раме проходит жизнь...», «О, как презренно безобразны нам сделки с собственной душой...», «Всею жизнью не измерить, не понять зияющей за каждым словом

бездны...», «Что наших дней искания и споры, ненужные о будущем слова...». Уже в Ленинграде весной 1929-го написала она исполненное в новой стилистике, похожей на конструктивизм Ильи Сельвинского, стихотворение «Гимнасты», которое я хочу привести. А до него – опубликованное в № 12-13 журнала «Своими путями» стихотворение «Торжественно, в сонета строгой раме...»:

* * *

Торжественно, в сонета строгой раме
Проходит жизнь. И я, созрев, пойму,
Что озорство и злоба ни к чему,
И что наш путь мы выбрали не сами.
И буду жить с открытыми глазами,
И мир таким, каков он есть, приму
Я с мудростью, присущей ему,
И строгими, простыми чудесами.
Не осквернив ненужностью метанья
Осенние, прозревшие желанья,
Не распылившись в суете сует,
К неповторимой радости погоста
Я принесу торжественно и просто
Нетронутым классический сонет.

Гимнасты

Верхом напряженья		
Каждое движенье		
Вверх	]	медленно
и		
вниз,		
Взлеты,	]	быстро
перелеты		
И...		
взвн...и...лись!		

<p>Вызов тяготенью Каждым положеньем ног и рук.</p>	]	медленно
<p>И вдруг – Под купол в вышину В оркестра тишину,</p>	]	все ускоряя, усиливая
<p>Бунтующими толпами, Взорванными колбами</p>	]	разорванно, ударами барабанными
<p>Свет! Меня цвет, Движенью вслед.</p>	]	ускоряя
<p>И во все стены – Тени! На каждой круг</p>	]	размахом голоса
<p>Из оси рук, Из быстроты кружений.</p>	]	ровно
<p>А о муке мускулов, что сиятся – из кожи!</p>	]	Совсем другим тоном. Очень ровно и одним

Говорят только
глаза расширенные
Да губы
с улыбкой тусклою,
так
не похожей
на улыбку.

движением голоса,
не переводя дыхания,
повысить чуть-чуть
«глаза».

5.3.1929

В последние годы интерес к творчеству участников пражского «Скита» заметно возрос. В Праге и затем в России опубликованы «Письма о литературе» Альфреда Людвиговича Бема; в России вышли сборники стихотворений Ирины Бем, Алексея Эйснера и Аллы Головиной. В периодике разных стран появился ряд статей об истории «Скита», в Москве и Санкт-Петербурге вышли две фундаментальные книги – «Скит». Прага 1922-1940: Антология. Биографии. Документы» и «Поэты пражского «Скита». Но под «одесским» углом зрения на творчество скитовцев в этой статье мы смотрим впервые.

